ШКОЛЬНЫЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

1814—1820 гг.

ИЗЪ МОИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Мое опредѣленіе въ гимназію, и латинскій учитель Лейбрехтъ. — Его методъ преподаванія. — Много ли нужно времени на латинскій языкъ? — Реформа учебныхъ заведеній при гр. Уваровѣ. — «Латинствующіе». — Мой разговоръ съ гр. Уваровымъ.—Крюковъ и Печоринъ.—Бесѣда съ гр. Уваровымъ въ Порѣчьи.— Программа гимназическаго курса въ 20-хъ годахъ и преподаватели наукъ того времени. — Общій выводъ.

....Много появилось въ послѣднее время статей «теоретическаго» и «практическаго» содержанія объ экзаменахъ, классахъ, курсахъ, гимназіяхъ. Я хочу предложить читателямъ статью «историческую». Я говорю «историческую», потому что буду предлагать воспоминанія о дѣйствительномъ курсѣ гимназіи, мною отъ начала до конца пройденномъ. Можетъ быть, найдется здѣсь что-нибудь къ свѣдѣнію и соображенію нынѣшнихъ преподавателей.

Курсъ мой начался въ февралѣ 1814 г. и кончился въ августѣ 1818 г. въ московской губернской (нынѣ первой) гимназіи.

Она состояла тогда изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ первый имѣлъ два отдѣленія. При гимназіи находилось еще такъ-называемое уѣздное училище изъ двухъ классовъ, такъ что собственно классовъ во всемъ заведеніи было также семь, какъ теперь.

Гимназическое собственно ученіе начиналось съ перваго отдѣленія перваго класса.

Въ уѣздномъ училищѣ преподавался законъ Божій, русская грамматика и ариѳметика, чтеніе на иностранныхъ языкахъ, чистописаніе, рисованіе.

Латинскій языкъ начинался уже въ такъ называемой гимназіи. Съ него и начну я свои педагогическія воспоминанія.

Учителемъ латинскаго языка былъ Любимъ Антоновичъ Лейбрехтъ. Буди незабвенна его память! Много добра, много пользы принесъ онъ своимъ воспитанникамъ. Всегда сохранялъ я о немъ благодарное воспоминаніе, и горько мнѣ было узнать, что онъ скончался въ прошедшемъ году, и я, не получивъ извѣстія, не могъ отдать ему послѣдняго долга. Прошу извиненія читателей за это невольное отступленіе!

Первый классъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій только одинъ годъ: такъ я буду говорить о четырехъ классахъ гимназіи, соотвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ 4, 5, 6 и 7.

На латинскій языкъ въ классѣ употреблялось по два урока въ два часа, т. е. по четыре часа въ недѣлю.

Первый классъ посвящался этимологіи.

Второй и третій классъ синтаксису.

Четвертый упражненіямъ, состоявшимъ въ переводахъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ.

Этимологія проходилась по порядку, объ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ, глаголахъ и пр., по простой грамматикѣ, изданной самимъ г. Лейбрехтомъ. Задавалось *писать* по множеству примѣровъ на всякія формы, склонять, спрягать и проч. Время въ классѣ употреблялось на прослушаніе уроковъ у старшихъ учениковъ, сидѣвшихъ на первой лавкѣ, самимъ учителемъ, у прочихъ старшими, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи особую лавку; потомъ въ исправленіи ошибокъ въ представлявшихся учителю на бумагѣ задачахъ; въ легкихъ переводахъ изъ хрестоматіи. Послѣ окончанія каждой главы, напр., о склоненіяхъ, о спряженіяхъ, назначалась пересадка: обирались книги, и задавалось по нѣскольку примѣровъ, которые должно было, не выходя изъ класса, обработать и представить учителю; а учитель тутъ же собиралъ всѣ тетради, и бралъ ихъ домой. Дома онъ ихъ разсматривалъ, и считалъ ошибки; на слѣдующій классъ приносилъ тетради, и судя по количеству ошибокъ, называлъ учениковъ — у кого было меньше всѣхъ ошибокъ, тотъ получалъ первое мѣсто, слѣдующій за нимъ второе, и т. д.

Нечего говорить, съ какимъ трепещущимъ сердцемъ выслу-

шивалась эта перекличка. На первой пересадкѣ я совершенно неожиданно получилъ первое мѣсто, которое оставалось за мною во все продолженіе почти пяти-лѣтняго курса, и только однажды, во второмъ классѣ, перебилъ его у меня товарищъ и другъ Ираклій Карповъ, первый переводчикъ Вальтеръ-Скотта («Кенильвортъ»), кончившій жизнь послѣ на Кавказѣ. Я сказалъ, что я получилъ первое мѣсто неожиданно, ибо только-что вступилъ въ гимназію, не ознакомился еще хорошо въ классѣ, — какъ вдругъ подосиѣло окончаніе склоненій и объявлена была пересадка. Я помню, съ какимъ удивленіемъ и какою завистью посмотрѣли на меня прежніе старшіе ученики, когда я съ задней лавки перебирался съ своими тетрадями и книгами на первое мѣсто. Они говорили, что я прежде уже учился по латинѣ и доходилъ до герундій. «До герундій» — этотъ досадный кликъ сопровождалъ меня очень долго, пока уже во второмъ классѣ и всѣ мы перевалились за герундію.

На первомъ публичномъ актѣ, въ 1814 году, мнѣ назначено было произнести рѣчь на латинскомъ языкѣ, сочиненную учителемъ, которой начало я теперь еще помню: Patria nostra a hoste devastata, omnibusque literarum subsidiis incendio absumtis, spes omnino nobis erat erepta, fore, ut aliquando animum litteris excolere possemus, sed... (Отечество наше опустошено непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда нибудь свой умъ познаніями.)

Во второмъ классѣ занятія латинскимъ языкомъ принимали уже характеръ болѣе важный и занимательный. Этимологія вся выучена, формы затверженны, понакопилось достаточное количество вокабуль, и мы, крѣпко въ сѣдлѣ сидѣвшіе, принимались за синтаксисъ.

Я опишу здѣсь подробно методу моего незабвеннаго Любима Антоновича, и увѣренъ, что она принесетъ пользу внимательнымъ и добросовѣстнымъ учителямъ языковъ.

Отличительное и самое полезное въ этой методѣ было то, что у всѣхъ учениковъ вниманіе, впродолженіе класса, было занято, прикована, что всѣ ученики необходимо должны были слѣдовать за ходомъ дѣла, и укрыться, отвлечься никому не было возможности.

Вотъ какъ это происходило:

Ученіе начиналось прослушаніемъ у всѣхъ (у ста, у двухъ сотъ учениковъ) заданнаго въ предшествовавшемъ классѣ урока.

Урокъ состоялъ изъ синтаксическаго правила съ принадлежащимъ къ нему латинскимъ примѣромъ; изъ латинскихъ вока-

булъ для перевода прочихъ примѣровъ на тоже правило; изъ вокабулъ къ примѣрамъ, переведеннымъ съ русскаго на латинскій, на правило, выученное и сказанное въ предшествовавшій разъ; изъ вокабулъ къ заданной статейкѣ изъ хрестоматіи.

Если въ классѣ было, какъ сначала, 50 человѣкъ, то 7 съ первой лавки сказывали урокъ учителю, а остальные въ то же время сказывали имъ. При большемъ количествѣ учениковъ, авдиторы присоединялись и со второй лавки.

Вокабулъ или словъ, какъ мы называли ихъ, набиралось къ каждому классу круглымъ числомъ до 25. Но вѣдь не нужно ихъ было спрашивать всѣ, а довольно было спросить пять-шесть въ разбивку, и спрашивающій могъ записать вѣрно, знаетъ-ли ученикъ урокъ или нѣтъ. О первыхъ судилъ самъ учитель, да и прочимъ авдиторамъ сплутовать было мудрено, потому что тотчасъ незнаніе могло обнаружиться (см. ниже), и несправедливому авдитору становилось стыдно, или даже опасно. Отмѣтки въ туже минуту по окончаніи операціи клались предъ учителемъ на столѣ.

Выслушать урокъ — это самая пустая, краткая операція, а въ нашей прекрасной машинѣ она занимала не болѣе минутъ пяти-шести. Видите, какъ время было дорого и разсчитано!

За симъ учитель и авдиторы просматривали и исправляли такъ называемые бѣлые переводы, подчеркивая ошибки. А бѣлыми переводами назывались переводы съ русскаго на латинскій, исправленные въ предшествовавшій урокъ и переписанные къ нынѣшнему разу на-чисто, только по-латыни. Ошибокъ тутъ собственно уже не должно было быть, ибо онѣ всѣ были исправлены въ предшествовавшемъ классѣ. Эта вторая операція требовала времени еще меньше, такъ что съ первою вмѣстѣ она занимала съ небольшимъ десять минутъ.

Потомъ слѣдовала третья операція, самая важная и существенная — исправить переводъ примѣровъ съ русскаго на латинскій на правило, въ предшествовавшемъ урокѣ выученное и сказанное, напримѣръ употребленіе «творительнаго самостоятельнаго». Примѣровъ на каждое правило переводилось отъ 10 до 15. (Въ этомъ родѣ изданы были темы Дронке.) Учитель вызывалъ учениковъ, кого вздумается, къ черной большой доскѣ, и заставлялъ прочесть примѣръ по-русски, а переводъ его, ученикомъ у себя въ тетради сдѣланный, написать мѣломъ на доскѣ. Здѣсь учитель, исправляя его ошибки, объяснялъ правило, или доводилъ своими вопросами самого ученика до исправленія. Всѣ прочіе ученики должны были слушать внимательно и исправлять въ своихъ тетрадяхъ указанныя ошибки, если кѣмъ были сдѣ-

ланы подобныя, или спрашивать учителя о другихъ недоразумѣніяхъ, которыхъ вызванному ученику имѣть не случилось.

Здѣсь учитель имѣлъ случай узнавать всякаго ученика, и провѣрять авдитора, вѣрно-ли отмѣтилъ онъ его успѣхъ въ своемъ отчетѣ.

Пятнадцать примѣровъ, сказалъ я, было во всякомъ переводѣ, слѣдовательно учитель испытывалъ всякій разъ пятнадцать учениковъ, а остальные были въ ожиданіи. Нельзя было отвлечься никому, ибо примѣръ на доскѣ исправленъ, и учитель велитъ такому-то прочесть слѣдующій, и такимъ образомъ тотчасъ обнаружится, если онъ не слѣдовалъ за дѣломъ: онъ тогда не будетъ знать, какой же примѣръ ему слѣдуетъ прочесть и написать у доски.

Эта операція занимала времени больше часа. Переводъ исправленъ—гора съ плечъ свалилась, и ученики могли вздохнуть свободно.

Начиналась задача урока на слѣдующій разъ. Учитель диктовалъ примѣры или темы по-русски для перевода ихъ на латинскій къ слѣдующему классу, на правило, выученное и сказанное въ началѣ нынѣшняго. Это занимало минутъ 10; всѣ писали. Кончивъ диктантъ, онъ заставлялъ какого-нибудь ученика читать по-русски написанные примѣры и спрашивать неизвѣстныя слова.

Опять провѣрка: никто не зналъ, кому учитель велитъ прочесть примѣры, и еслибъ кто не писалъ, то въ какое бы положеніе онъ пришелъ передъ всѣмъ классомъ, не имѣя что прочесть? А почему не писалъ? — спросилъ бы учитель. Назначеніе латинскихъ неизвѣстныхъ словъ занимало также минутъ десять. Спросить знакомое извѣстное слово — стыдно: оно попадалось тогда-то. И учитель замѣчалъ и ученики замѣчали. Ученикъ спроситъ, а вдругъ десять голосовъ раздастся, — и вотъ онъ уличенъ въ невниманіи.

Далѣе слѣдовалъ переводъ съ латинскаго на русскій статейки изъ хрестоматіи. Переводили по три, по четыре строки. Учитель еще могъ судить, хорошо ли выучены слова, и всѣ ученики должны были слѣдовать внимательно, ибо неизвѣстно, на чемъ учитель остановитъ одного ученика, и гдѣ велитъ продолжать другому.

Наконецъ, учитель задавалъ къ слѣдующему уроку новое правило изъ синтаксиса, и опредѣлялъ статью изъ хрестоматіи.

Повторю теперь, что къ каждому уроку долженъ былъ приготовить ученикъ:

Выучить наизусть правило синтаксиса.

Слова изъ примѣровъ латинскихъ на это правило.

Слова изъ примѣровъ на правило предшествовавшее, употребленныхъ въ нынѣшнемъ переводѣ.

Слова изъ хрестоматіи.

Перевести съ русскаго на латинскій до 15 примѣровъ, продиктованныхъ въ прошедшемъ классѣ.

Перевести статейку изъ хрестоматіи.

Переписать набѣло переводъ, исправленный въ предшествовавшемъ классѣ. Ученику нельзя было смигнуть почти впродолженіе всего класса.

Послѣ каждаго отдѣленія синтаксиса, напр. объ употребленіи временъ, о сослагательномъ наклоненіи, причастіи, назначалось повтореніе всего пройденнаго и пересадка.

Пересадка по синтаксису была уже несравненно важнѣе пересадокъ въ первомъ классѣ: учитель, пришедъ въ классъ, начиналъ тотчасъ диктовать русскіе примѣры на всѣ пройденныя правила въ разбивку. По назначеніи словъ, ученики тутъ же, въ классѣ, переводили продиктованные примѣры на латинскій, примѣняя каждый примѣръ, по своему соображенію, къ тому или другому правилу. Два часа самой спѣшной, тщательной, внимательной работы! Какъ бы не ошибиться въ примѣненіи примѣра къ правилу, въ опредѣленіи родовъ именъ, въ окончаніяхъ склоненій и спряженій. Въ концѣ класса, переписанные по-латыни примѣры, съ именами, обирались учителемъ, и на слѣдующій классъ приносились торжественно. Между тѣмъ, до класса, дома, всѣ ученики просматривали на досугѣ свои тетради и отыскивали ошибки, выспрашивая другъ друга, или прибѣгая за совѣтами къ товарищамъ старшихъ классовъ. Всякій зналъ уже до пересадки, сколько у кого можетъ быть ошибокъ. Наконецъ, приходитъ учитель, и начинаетъ исправленіе роковыхъ примѣровъ, на черной доскѣ. Ученики теперь вполнѣ удостовѣряются въ своихъ ошибкахъ. По окончаніи исправленія читается списокъ учениковъ по тому порядку, въ какомъ они должны занимать мѣста на будущее время.

Въ 3-мъ классѣ проходили почти весь Корнелій Непотъ.

Въ 4-мъ задавались переводы, съ русскаго на латинскій, отдѣльныхъ разсказовъ и читались Цицероновы рѣчи [1]).

---

[1]) У меня были цѣлы всѣ упражненія, всѣ уроки и всѣ переводы, переплетенные въ корешкѣ, но, къ сожалѣнію, эта книга осталась у кого-то изъ моихъ пансіонеровъ, и ко мнѣ не возвратилась. Я былъ бы очень благодаренъ, еслибъ кто отыскалъ мнѣ ее. У меня цѣла подобная книга изъ нѣмецкаго класса. Учители языковъ могутъ увидѣть ее у меня, но въ руки никому уже не отдамъ ея.

Вотъ какъ шелъ нашъ курсъ. Воспоминая о немъ теперь, я могу сказать, что два средніе класса, т. е. второй и третій, шли отлично, первый должно бы было нѣсколько усилить и не ограничивать одною этимологіей, или распространить нѣсколько ея предѣлы по руководствамъ, болѣе обширнымъ, чѣмъ Лейбрехтово.

Четвертый классъ былъ недостаточенъ: Любимъ Антоновичъ не могъ объяснять Цицерона такъ удовлетворительно, какъ синтаксисъ, да и по-русски онъ не зналъ столь хорошо, чтобъ могъ находить вѣрное соотвѣтствіе между выраженіями двухъ языковъ.

Слѣдовательно, еслибъ 4-му классу дать особаго учителя, съ нужными познаніями, и назначить ему три урока, да для домашнихъ занятій еслибъ былъ опредѣленъ знающій надзиратель (тогда не было никакихъ), который наблюдалъ бы за переводами, объяснялъ бы недоразумѣнія, то познаніе латинскаго языка, уже и при описанномъ порядкѣ весьма хорошее, улучшилось бы значительно. Наконецъ, оно усилилось бы вслѣдствіе умноженія классовъ цѣлою половиною часа, а именно: мы имѣли два класса по два часа, а можно назначить три класса по полтора часа, кои теперь опредѣляются на классъ. Но какъ же въ полтора часа успѣть сдѣлать то, на что намъ въ обрѣзъ были два часа? Вспомнимъ, что темы теперь напечатаны, и всѣ слова, нужныя для ихъ переводовъ на латинскій, собраны въ ихъ лексикончикахъ. Слѣдовательно, полчаса мы можемъ вычесть, какъ уже ненужные для класса, изъ прежнихъ двухъ часовъ.

При такомъ порядкѣ, улучшенномъ и усиленномъ, непремѣнно были бы прочтены въ гимназіи и Корнелій Непотъ, и Цезарь, и Овидій, и кое-что изъ Цицерона, Саллустія, Ливія.

Дѣло ли я говорю? Дѣло, отвѣчу я самъ и утвержу рѣшительно; русскому мальчику, съ настоящими его способностями, нужно употребить въ гимназіи для достаточнаго знакомства съ латинскимъ языкомъ, впродолженіи четырехъ лѣтъ, въ классахъ 4, 5, 6, 7, по четыре часа въ недѣлю. Предполагаются годы его возраста отъ 12 до 16, еще лучше отъ 13, даже 14, до 17 и 18 лѣтъ. Если въ нынѣшнемъ третьемъ и второмъ классѣ посвятить еще нѣсколько времени на латинскій языкъ, то черезъ то получится новое подспорье.

Товарищъ мой, бывшій адъюнктъ Кубаревъ, латинистъ, какихъ у насъ мало, сказывалъ мнѣ, что онъ приготовлялъ очень хорошо къ университету воспитанниковъ, въ пансіонѣ Чермака, въ два года, безъ большихъ предварительныхъ познаній, и мно-

гихъ учениковъ его я зналъ, и удостовѣрился въ ихъ познаніяхъ.

У меня самого бывали пансіонеры отъ 1830-хъ до 40-хъ годовъ, которые, большею частію изъ деревень, успѣвали очень хорошо также года въ два, а иные въ полтора, при хорошихъ способностяхъ и хорошемъ прилежаніи, хотя, разумѣется, съ меньшею, безъ всякаго сравненія, основательностію, чѣмъ въ общественномъ заведеніи.

Такъ бывало и всегда. Даже въ нынѣшнемъ году (1859) на моихъ глазахъ одинъ молодой человѣкъ, изъ инженернаго училища приготовился къ университету, мѣсяцевъ въ девять, занимавшись съ медицинскимъ студентомъ, и поступилъ туда, не смотря на такъ-называемые строгіе экзамены.

Охотно соглашаюсь, что такія приготовленія на живую нитку не приносятъ пользы, но я говорю все это только для доказательства русскихъ способностей, въ подтвержденіе, что *учиться по-латыни четыре года, въ четырехъ классахъ по четыре часа въ недѣлю* — достаточно. Съ прибавленіемъ же къ четыремъ годамъ еще двухъ лѣтъ, съ 4 часами въ недѣлю, — уже заглаза для русскаго юноши. *Больше не только не нужно, но даже вредно*, какъ сейчасъ увидимъ.

Съ описаннымъ приготовленіемъ мы поступили въ университетъ, и знаменитый профессоръ того времени, Тимковскій, принялъ насъ съ благоволеніемъ.

Въ университетѣ я предался преимущественно русской исторіи (но не вслѣдствіе лекцій, кои шли тогда по этому предмету самымъ нелѣпымъ образомъ, а вслѣдствіе только-что вышедшей тогда исторіи Карамзина), и оставилъ, или почти оставилъ латинскій языкъ.

По-латыни Тимковскій объяснялъ Горація, съ студентовъ почти не взыскивалъ, и всякій дѣлалъ или не дѣлалъ, сколько хотѣлъ. Только нѣкоторые студенты, имъ замѣченные, должны были готовиться.

Въ срединѣ курса Тимковскій скончался, и мѣсто его занялъ Давыдовъ, который былъ гораздо взыскательнѣе; и я долженъ былъ приняться за латинскій языкъ поусерднѣе, занявшись комментаріемъ къ одамъ Горація, представленнымъ на послѣдній выпускной экзаменъ. Замѣчаю это для того, что требовательность въ университетахъ еще нужна для успѣха студентовъ, которые всегда за нее благодарить будутъ.

Въ 1835 году послѣдовало преобразованіе гимназій (можетъ быть я ошибаюсь годомъ, но, право, не считаю нужнымъ справляться и употреблять минутъ пять на справку: не въ годѣ дѣло).

Я буду говорить объ этомъ преобразованіи послѣ, обозрѣвъ всѣ предметы, а теперь покончу съ судьбою латинскаго языка въ гимназіяхъ и университетахъ.

По новому уставу, на латинскій языкъ обращено было главное вниманіе, и въ гимназіяхъ предполагалось давать образованіе преимущественно классическое: вмѣсто четырехъ классовъ ученіе распространено чуть-ли не на всѣ семь классовъ, и потребовалось при вступленіи въ университетъ знакомство короткое со всѣми писателями и даже сочиненія на латинскомъ языкѣ.

Министръ Уваровъ имѣлъ самъ отличное классическое образованіе, зналъ хорошо латинскій и греческій языки, и писалъ разсужденія о классическихъ предметахъ (о которыхъ мнѣ даже отзывались съ большою похвалою, не говоря уже о цитатахъ, въ искреннемъ разговорѣ, Крейцеръ и Шлоссеръ въ 1835 г.). Училъ его профессоръ древней словесности, знаменитый эллинистъ и латинистъ Грефъ. Кто-то, не довѣряя познаніямъ Уварова, сказалъ тогда, что Уваровъ древніе языки знаетъ пополамъ съ грѣхомъ. — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, пополамъ не съ грѣхомъ, а развѣ съ Грефомъ». Покаюсь въ этой остротѣ, совершенно несправедливой: Уваровъ зналъ языки вполнѣ и самостоятельно.

Онъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и гимназіи наши тогда совершенно измѣнились. Мнѣ было это горько, ибо я слишкомъ хорошо и твердо зналъ, что нужно для гимназіи, вмѣсто ихъ ломки, и я сказалъ Уварову на обѣдѣ въ его домѣ, въ присутствіи покойнаго графа Протасова, бывшаго его товарища, кн. Волконскаго, тогдашняго петербургскаго попечителя, и, кажется, профессоровъ Плетнева и Розберга, что *считаю большимъ несчастіемъ для русскаго просвѣщенія то, что министръ нашъ знаетъ по-гречески и по-латыни.*

На бѣду явились Уварову такіе помощники, которые, *не зная даже по-латыни*, приняли къ сердцу такъ-названную классическую методу, и начали изъ всѣхъ силъ стараться о распространеніи латинскаго языка, точно какъ нѣкоторые мусульманскіе капитанъ-исправники въ восточныхъ губерніяхъ отличились въ то время лучше православныхъ усердіемъ и успѣхомъ при распространеніи христіанской вѣры.

На помощниковъ Уварова подѣйствовали еще сильно такъ-называвшіеся тогда молодые профессора (нынѣ уже устарѣлые), воспитанники профессорскаго института, воротившіеся къ тому же времени изъ чужихъ краевъ и какъ бы совершившіе путешествіе въ Мекку.

О нихъ я буду говорить послѣ и воздамъ имъ должное, а теперь скажу только мимоходомъ, что это были неопытные студенты, прямо съ лавокъ университета и духовныхъ академій, которые проучились въ Дерптѣ лѣтъ пять, да потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ года по три и по четыре.

Нѣкоторые изъ нихъ были съ отличными способностями, нѣкоторые все время занимались съ прилежаніемъ, нѣкоторые.... но всѣ были люди свѣжіе, пріобрѣвшіе много новыхъ мыслей, взглядовъ, — и нѣмецкихъ тетрадокъ. На первыхъ порахъ они принялись усердно и съ успѣхомъ.

Я говорилъ имъ, разсуждая объ одномъ начальникѣ, котораго они тогда очень хвалили: — «Я подожду, господа, сказать о немъ свое мнѣніе, и считая главною его задачею въ настоящее время поддержать этотъ святой огонь, который въ васъ пылаетъ, посмотрю, какія онъ будетъ принимать для того мѣры. Тѣ профессоры, которыхъ вы теперь смѣняете: Ивашковскіе, Котельницкіе, и прочіе, были вѣдь съ молоду также ревностны, также благоговѣли къ наукѣ, также горѣли желаніемъ распространять истину, а что сталось съ ними теперь, въ ихъ несчастной средѣ? Увидимъ, что будетъ съ вами». Это сказалъ я имъ, провожая ихъ отъ себя послѣ чаю, за оврагомъ на Дѣвичьемъ-полѣ, въ 1836 году. Пусть оставшіеся въ живыхъ это вспомнятъ. Къ несчастію, слова мои оказались пророчествомъ, и этому содѣйствовали многія причины, о которыхъ когда-нибудь послѣ.

Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ, и изъ всѣхъ преобразователей остались съ наукою едва ли двое или трое, а теперь....

Всѣ эти господа возмечтали быть преобразователями, и надменные филистерскою гордостью, объявили, что имъ предлежитъ начинать дѣло науки, которой до нихъ въ университетѣ будто не существовало, и что все старое должно подвергнуть остракизму.

Начальства увлеклись ими, и бросились къ нимъ въ объятія: одинъ думалъ начать съ ними новую эру. Это эра въ университетѣ! — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, а развѣ *era!*» Почему же не разсказать искренно всего того, чему прошло двадцать пять лѣтъ, четверть вѣка, трехсрочная почти давность, въ назиданіе нашимъ потомкамъ. Я опишу современемъ въ подробности это время и безпристрастно оцѣню все хорошее, ибо его было также много, отдамъ ему справедливость, но не пощажу и дурного....

Между новыми профессорами, одинъ изъ лучшихъ былъ Крюковъ, прекрасныхъ свойствъ молодой человѣкъ, отлично знавшій свое дѣло, латинскую словесность, но исполненный нѣ-

мецкихъ предразсудковъ, и не успѣвшій нисколько ознакомиться съ состояніемъ русской жизни. Онъ видѣлъ и уважалъ великихъ нѣмецкихъ ученыхъ, и былъ отъ души увѣренъ, что для достиженія ихъ цѣли должно и у насъ непремѣнно идти тѣмъ же путемъ, то есть, должно учредить училища, гимназіи и университеты по нѣмецкимъ образцамъ.

Это убѣжденіе совпало съ образомъ мыслей министра и нашло сочувствіе безкорыстное попечителя,—и вотъ наступила въ московскомъ округѣ эпоха «латинствовавшихъ», подъ пару «жидовствовавшимъ» въ древности.

Директоры, незнавшіе аза-въ-глаза латинскаго, напр. Погорѣльскій, явились даже изъ реальной гимназіи съ неотступною просьбою учениковъ дать имъ съ механикою и химіею еще латинскаго учителя*). Немудрено вѣдь, что при Александрѣ Македонскомъ всѣ придворные старались ходить скривя шею.

Латинскій языкъ вытѣснилъ всѣ прочіе предметы, и на него одного обращено было главное, если не исключительное, вниманіе.

Мой добрый Лейбрехтъ, который былъ въ силахъ проработать еще лѣтъ 15 (онъ скончался только въ прошедшемъ году) и приготовить нѣсколько учителей, былъ уволенъ, и мѣсто его отдано молодому учителю. Въ другія вновь учрежденныя гимназіи опредѣлены также молодые учители.

Каждый изъ нихъ училъ по своему, начиналъ свои опыты, но такъ какъ всѣ они были точно люди знающіе, но такъ какъ времени на латинскій языкъ назначено было очень много, и такъ какъ онъ сдѣлался главнымъ предметомъ, въ ущербъ всей совокупности гимназическаго ученія, то знаніе латинскаго языка въ гимназіяхъ точно на нѣсколько времени значительно поднялось, и изъ гимназій выходили студенты съ отличными познаніями въ латинскомъ языкѣ.

Гдѣ же эти студенты, гдѣ эти знатоки, спрошу я ревнителей латинскаго языка, гдѣ ихъ вліяніе на русскую словесность, на развитіе русской мысли, гдѣ ихъ работы надъ классиками, разсужденія, переводы, вліяніе на общественное образованіе?

Собственныя дѣти этихъ ревнителей,—жаль, что я не могу говорить яснѣе,—оказали отличные успѣхи въ латинскомъ языкѣ,—я спрашиваю, развертывали ли они латинскаго или греческаго автора не только по окончаніи курса, но даже въ университетѣ? Всѣ ихъ труды, всѣ ихъ успѣхи пропали безъ слѣда!

---

*) Ср. съ подобными же анекдотами нашего времени. — *Ред.*

Изъ всѣхъ отличныхъ гимназистовъ образовался одинъ профессоръ и нѣсколько гимназическихъ учителей, да и у этого профессора занятія классическія уступили другимъ современнымъ требованіямъ, и мы, послѣ прекраснаго сборника*), впродолженіи многихъ лѣтъ не видимъ ни одной страницы, отъ коей повѣяло бы древностію, да и студентамъ, говорятъ, удается слышать очень мало его лекцій.

Гимназисты въ университетѣ занимались древними языками, говоря вообще, очень мало, потому что эти языки надоѣли имъ до смерти въ гимназіи, не смотря на пресловутое развитіе понятій.

Товарищъ Крюкова, Печеринъ, училъ въ университетѣ одинъ только годъ, и до такой степени умѣлъ возбудить въ студентахъ жаръ, что всѣ принялись за греческій языкъ, имъ преподаваемый, и *въ одинъ годъ* сдѣлали успѣхи невѣроятные, почти безъ приготовительныхъ познаній.

Я помню много смѣшныхъ и досадныхъ схватокъ съ Крюковымъ. Были два студента на четвертомъ курсѣ, одинъ съ хорошими способностями и познаніями, достаточно развитой, другой жалкая посредственность. Оба они написали на окончательномъ экзаменѣ по одному отвѣту на латинскомъ языкѣ. Первый написалъ листъ, но съ нѣсколькими грамматическими ошибками, другой четверку безъ ошибокъ. Крюковъ настаивалъ, чтобъ перваго, съ ошибками, перевести съ четвертаго курса назадъ на третій, а другому, безъ ошибокъ, хотя и съ пустымъ содержаніемъ, дать степень дѣйствительнаго студента. Сколько я ни спорилъ съ нимъ, онъ, поддержанный, настоялъ на своемъ, и несчастный студентъ долженъ былъ на два года удалиться отъ своей цѣли, и перешелъ въ Харьковскій университетъ. Какое же было нѣмецкое филистерское основаніе Крюкова? Студентъ безъ ошибокъ можетъ идти впередъ и успѣвать болѣе и болѣе, а студентъ съ ошибками успѣвать не можетъ прежде изученія грамматики. Напрасно я твердилъ ему, что они оба равно не будутъ заниматься латинскимъ языкомъ, а что способный и умный студентъ долженъ имѣть преимущество предъ неспособнымъ и плохимъ, хотя и случилось первому ошибиться въ спряженіяхъ, а второй спрягалъ исправно. Ничто не помогло, а въ довершеніе

*) Если нашъ почтенный авторъ имѣетъ въ виду, говоря такъ, «Пропилеи», то нельзя не согласиться вполнѣ съ его мнѣніемъ. Одна книжка этого превосходнаго сборника оказывала успѣху классическаго образованія нашего общества гораздо болѣе, чѣмъ тысячи передовыхъ статей тѣхъ современныхъ изданій, гдѣ защищалось классическое образованіе въ ущербъ истинѣ и дѣлу. — *Ред.*

смѣшного должно сказать теперь, что латинскія упражненія, какъ узналъ я послѣ, писали не сами они, и что ни въ ошибкахъ, ни въ правильностяхъ, они оба не были ни душой ни тѣломъ не виноваты: писалъ имъ обоимъ упражненія третій студентъ. Я могу даже назвать студентовъ по именамъ: первый, показывавшій таланты, есть Бецкой, который издалъ двѣ или три книги «Молодика» въ Харьковѣ, «Мысли Жанъ-Поля», потомъ сдѣлалъ въ Италіи примѣчательное собраніе старыхъ картинъ, пожертвованное харьковскому университету, и другое примѣчательное собраніе источниковъ для исторіи городовъ, которое находится у него. Писалъ же обоимъ латинскія упражненія, одно съ ошибками, другое безъ ошибокъ, третій студентъ, Петръ Перевлѣскій, издававшій послѣ русскихъ классиковъ.

Я увѣренъ, что съ своими способностями и познаніями Крюковъ увидѣлъ бы послѣ ошибочность своего взгляда, какъ увидѣли нѣкоторые изъ его товарищей, но, къ несчастію, смерть поразила его слишкомъ рано.

На экзаменахъ я спорилъ, горячился, при нелѣпыхъ нѣмецкихъ требованіяхъ знанія всѣхъ самыхъ исключительныхъ формъ, кои задерживали часто вступленіе въ университетъ отличныхъ молодыхъ людей, но никогда не имѣлъ терпѣнія проводить своихъ мыслей, на что́ потребовалось бы много времени, а время было нужно мнѣ для моихъ изслѣдованій, которыхъ до сихъ поръ не могу еще издать вполнѣ чрезъ 15 лѣтъ по выходѣ изъ университета. Съ каждымъ годомъ я махалъ рукою больше и больше.

Изученіе мертвыхъ формъ, на которыя было обращено главное вниманіе въ гимназіяхъ, притупляло, скажу я рѣшительно, всѣ человѣческія способности, и изучать ихъ могли исключительно, не заботясь о духѣ, только такъ называемыя въ нашихъ училищахъ долбешки и зубрилки.

Въ 1841, кажется, году, во время одной изъ моихъ археологическихъ поѣздокъ во внутреннія губерніи, мнѣ случилось побывать въ нѣсколькихъ гимназіяхъ, хотя меня о томъ никто не просилъ. На вопросы мои о числѣ учениковъ и студентовъ въ гимназіи, я получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что учится въ гимназіяхъ круглымъ числомъ человѣкъ по триста, а поступаетъ въ университетъ по пяти.

Съ этимъ результатомъ я пріѣхалъ въ Порѣчье, знаменитую усадьбу Уварова, гдѣ я проводилъ у него лѣтъ 15 сряду лѣто, кромѣ поѣздокъ за-границу, и не надѣясь ни на какой успѣхъ въ университетѣ, подпавшемъ нашествію римлянъ вмѣстѣ съ варварами (какова сила), я началъ приступать къ Уварову, который любилъ меня очень много.

Уваровъ въ Норѣчьѣ былъ совсѣмъ не то, былъ гораздо лучше, выше, чѣмъ въ Москвѣ, не только въ Петербургѣ, имѣвшемъ на него своею придворною атмосферою пагубное дѣйствіе. Это былъ умный, веселый, образованный, снисходительный, любезный хозяинъ, который оставлялъ гостямъ полную свободу, и въ искреннихъ бесѣдахъ говорилъ и слушалъ все безъ всякихъ околичностей. Въ Москвѣ противная партія предполагала Богъ знаетъ что въ норѣцкихъ бесѣдахъ, а тамъ никогда не произносилось почти ни одно собственное имя, кромѣ историческихъ, и разговоръ касался только общихъ вопросовъ науки, особенно исторіи, археологіи, филологіи, искусства. Нѣкоторые разговоры я опишу современемъ. Однажды, скажу здѣсь кстати, еще въ 1841 году, мы говорили о крѣпостномъ правѣ, которое, долженъ признаться, Уваровъ защищалъ изо всѣхъ силъ, и говорилъ блистательно, разумѣется для того времени. Я записалъ его слова, и отдалъ ему на другое утро съ моими замѣчаніями, кои онъ опровергалъ въ другой разъ. Но возвратимся къ латинскому языку.

— «Послушайте, графъ (онъ тогда былъ уже пожалованъ графомъ), я принимаю охотно всѣ достоинства древнихъ языковъ для основаній образованія, но обратите вниманіе, прошу васъ, только вотъ на какія цифры: въ гимназіяхъ теперь учится у насъ по триста учениковъ, а въ университетъ поступаетъ изъ нихъ едва до пяти. Спрашивается: какъ должно быть распоряжено ученіе — имѣть-ли въ виду этихъ пятерыхъ, или думать преимущественно о 295, которые остаются служить и жить въ Васильсурскѣ, Калязинѣ, Балахнѣ или Пронскѣ? Когда потребность въ образованіи разовьется у насъ на столько, что треть пойдетъ въ университетъ, о, тогда давайте имъ классическое образованіе, если угодно, а теперь для этой троицы или пятерки, мучить остальныхъ надъ латинской грамматикой и ея мертвыми формами, губить золотое время, когда душа требуетъ живыхъ впечатлѣній, значитъ не распространять, а стѣснять образованіе, притуплять способности, и я удивляюсь стокойсти русскаго ума, что онъ съ такою методою въ губерніяхъ не совсѣмъ деревенѣетъ. Дайте естественную исторію гимназіямъ». — Нѣтъ, Уваровъ былъ непоколебимъ, и какъ вообще онъ былъ влюбленъ во всѣ свои мысли, особенно классическія, то и здѣсь оказалось столько же мало надежды на измѣненіе устава, какъ и въ университетѣ, хоть я всякое лѣто возобновлялъ свои приступы.

Наступилъ 1848 годъ. Вдругъ слышу я о новомъ преобразованіи въ гимназіяхъ, т. е. объ ограниченіяхъ латинскаго языка, изгнаніи греческаго и введеніи естественной исторіи и законовѣдѣнія. Какъ и чрезъ кого возникла эта мысль, добраться я не

могъ, скажу только, что она появилась *иначе соображенная*, нежели какъ я предполагалъ, непропеченная и непроваренная, безъ всякихъ руководствъ, на руки молодымъ кандидатамъ, которые не имѣли понятія о преподаваніи и начали учить, кому какъ случилось, а присмотрѣть было некому.

Классическому образованію нанесенъ былъ значительный вредъ, а реальному не принесено никакой пользы, — а только убѣжденіе для нѣкоторыхъ близорукихъ и неопытныхъ судей, что естественная исторія не можетъ принести въ гимназіяхъ никакой пользы.

Теперь пошли толки о новыхъ преобразованіяхъ, то есть *четвертыхъ*, и опять древніе языки грозятъ нашествіемъ!!!

Преобразованія, производимыя по мысли ученыхъ педантовъ,— или людьми, посвящающими рѣшенію такихъ важныхъ предметовъ времени не болѣе всякой текущей бумаги, не проходившими курса, не тянувшими никакой ученой лямки, незнакомыми съ русской жизнью, — рѣшительно вредны, колебля образованіе на его основаніяхъ, и безпрестанными перемѣнами внушая сомнѣнія въ нашемъ неустановившемся обществѣ. Лучше оставаться при однихъ посредственныхъ правилахъ въ ожиданіи дѣйствительно лучшихъ, чѣмъ по русской пословицѣ вырѣзывать одинъ раны и вставлять другія.

Въ довершеніе странностей, надо сказать, что всѣ эти толки о классическомъ и реальномъ образованіи совершенно лишніе. Все то, чего требуетъ классическое образованіе, можетъ быть сдѣлано въ удовлетворительной степени въ гимназіяхъ, и вмѣстѣ сообщено воспитаннику множество необходимыхъ свѣдѣній для жизни. Надо только, чтобъ пироги пекъ пирожникъ, а саноги тачалъ сапожникъ. Постараюсь доказать это цифрами и былями или фактами.

Выше доказалъ я, что для удовлетворительнаго изученія латинскаго языка, по опыту, достаточно по три урока въ недѣлю полуторачасовыхъ, въ классахъ 4, 5, 6 и 7. (Въ 2 и 3 кл. подспорье). Теперь пойду далѣе къ другимъ предметамъ, также представляя свои доказательства изъ гимназическихъ воспоминаній. Помните, что въ расходѣ у насъ на латинскій языкъ только $4^1/_2$ часа въ недѣлю.

Писать о предметахъ моего гимназическаго курса я буду по мѣрѣ ихъ значенія въ то время, и принесенной пользы.

Нѣмецкій языкъ преподавался очень хорошо, по той же методѣ, какъ и латинскій, тѣмъ-же учителемъ г. Лейбрехтомъ. Времени употреблялось столько-же. Нѣмецкій языкъ мы узнали отлично, относительно правилъ. Жизни, приложенія, занимательно-

ности, недоставало какъ и въ латинскомъ. Еслибъ четвертому классу данъ былъ характеръ болѣе литературный, то нечего-бъ было и желать болѣе.

На нѣмецкій языкъ слѣдуетъ употребить также $4^1/_2$ часа, даже можно и менѣе, и на французскій столько же, $4^1/_2$; итакъ, въ расходъ у насъ на языки въ недѣлю 12 или 13 часовъ.

Французскій языкъ шелъ въ гимназіи очень дурно, и пользы никакой рѣшительно не было никому, не выучивался никто. Нѣкоторые ученики, въ томъ числѣ и я, брали частные уроки у того же г. Лейбрехта на-дому по два часа въ день вечеромъ.

Остановлюсь здѣсь еще на минуту: одинъ г. Лейбрехтъ преподавалъ, и преподавалъ отлично, языки латинскій, нѣмецкій и французскій, а нынѣ сколько учителей? Онъ занятъ былъ въ гимназіи по 6 часовъ въ день, кромѣ среды и субботы, когда онъ послѣ обѣда не училъ и занятъ былъ только по 4 часа, да дома у себя онъ занятъ былъ по два, — и все-таки находилъ еще время по праздникамъ, вечеромъ, на вакаціяхъ, составлять свои учебныя книги, грамматики и хрестоматіи, коихъ у него вышло изданій по десяти. Почтенный человѣкъ — лейпцигскій студентъ, и я до сихъ поръ, повторяю, не могу безъ сожалѣнія вспомнить, какъ подобный человѣкъ былъ оставленъ въ пренебреженіи, и лишенъ на 15 лѣтъ своей многополезной дѣятельности, въ угоду легкомысленнымъ педантамъ.

Пусть разсмотрятъ мои замѣчанія, исправятъ, да и поставятъ за правило въ гимназіяхъ касательно языковъ, поручая наблюденіе за неукоснительнымъ строгимъ исполненіемъ инспекторамъ, директорамъ, и надзирателямъ. Скажите, мудрено это или нѣтъ?

За латинскимъ и нѣмецкимъ языками, по пользѣ, шла у насъ математика. Учитель былъ дѣльный — Андрей Степановичъ Терюхинъ, кандидатъ университета (который на тамошнихъ спектакляхъ игрывалъ Чванкину, Простакову, Кривосудову и проч.). Въ первомъ классѣ прямо давалась алгебра, во второмъ, геометрія, въ третьемъ, тригонометрія, въ четвертомъ физика. Въ алгебрѣ всякія задачи мы дѣлали хорошо, въ геометріи и тригонометріи доказывали всѣ теоремы порознь отчетливо, но связь ихъ, приложеніе, значеніе, объяснены не были. Изъ физики мы узнавали кое-что и получали нѣкоторое понятіе. Математикѣ нужно $4^1/_2$ часа въ недѣлю въ четырехъ классахъ.

У насъ господствовалъ предразсудокъ, что математикою могутъ заниматься только нѣкоторые ученики, и никто не заботился искоренить его. Такъ и смотрѣлось сквозь пальцы на это ощущеніе. Бываетъ расположеніе у иныхъ учениковъ къ матема-

тикѣ, у другихъ къ словесности,—это такъ, нельзя требовать у всѣхъ одинаковыхъ успѣховъ, — но занятій требовать должно, кромѣ случаевъ особливыхъ.

Естественная исторія преподавалась если не удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ порядочно. Учителемъ былъ Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ, который послѣ былъ инспекторомъ казенныхъ заведеній. Во 2-мъ классѣ мы занимались минералогіею, въ 3-мъ ботаникою, въ 4-мъ зоологіею и технологіею. Для каждой науки переписывалось по толстой тетради, листовъ въ 30, которую мы выучивали наизусть, и въ классѣ разсказывали слово въ слово. Но главное—учитель показывалъ намъ въ классѣ минералогіи всѣ камни, и мы научались различать шпаты, колчеданы, получали понятіе о земляхъ, горючихъ веществахъ, солях, металлахъ. Выученный толковито запасъ пригодился навсегда.

Съ ботаникою было похуже, потому что самъ учитель былъ въ ней слабѣе, но все таки приносилъ онъ намъ растенія, показывалъ пестики, тычинки, и мы узнавали систему Линнея, Жюссье, толковали даже о тайнобрачныхъ растеніяхъ и были такъ сказать *ввосточены* въ наукѣ на всю жизнь.

Зоологія шла хуже, и только картинки, показываемыя учителемъ, привлекали наше вниманіе.

Наконецъ, технологія была утомительна, но все-таки знакомство съ номенклатурою принесло пользу.

Настоящіе толки противъ естественной исторіи въ гимназіяхъ обнаруживаютъ ограниченный педантизмъ или неповоротливость, невнимательность надзирающихъ, и тупость, неопытность, неумѣніе взяться за дѣло учителей, которые пущены въ гимназіи безъ всякаго совѣта и учатъ безъ всякаго надзора.

Но вы прочтите въ классѣ зоологіи хоть нѣсколько статей Бюффона, да книги Аксакова, да птицъ Одюбона, ну вотъ вамъ на первый случай и здѣсь окажется великая польза.

Изъ литературы ли ботаники не найдется занимательнаго чтенія, минералогіи, геологіи? Прогулки лѣтомъ за городъ, наглядное знакомство съ природою,—помилуйте, да одинъ день принесетъ больше пользы, не считая удовольствія, ученикамъ, чѣмъ недѣля съ вашими параграфами, рубриками, формами, часто пустыми и всегда мертвыми.

Естественная исторія требуетъ по 3 часа въ недѣлю въ четырехъ классахъ.

Оканчивая съ естественной исторіей, замѣчу, что во 2-мъ классѣ постоянно отламывались учениками кусочки отъ показанныхъ камней, и никѣмъ изъ учениковъ не считалось это предо-

судительнымъ. Вотъ какъ мало было развито понятіе о долгѣ, и никто не заботился внушить его живымъ образомъ, къ сердцу— а повторялись одни общія мѣста, кои повторяются и до сихъ поръ, не принося никакой пользы. Порокъ нашей педагогіи, происходящій наиболѣе отъ неразвитости въ понятіяхъ, отъ жестокости въ чувствахъ самихъ педагоговъ.

Географія и исторія преподавались гнуснѣйшимъ образомъ, но мы этого отнюдь не замѣчали и были исполнены уваженія къ учителю Алексѣю Егоровичу Добровольскому, воспитаннику стараго педагогическаго института.

Въ первомъ классѣ проходилась географія по Зябловскому, — Европа. Во второмъ прочія части свѣта. Отмѣчались по книгѣ мѣста, кои должно было выучить и показать на картѣ. Ни единаго слова въ объясненіе. Узнавали мы только собственныя имена, и получали кое-какое понятіе о положеніи странъ, морей, рѣкъ, горъ, городовъ.

Изъ исторіи въ первомъ классѣ выучивалась маленькая тетрадка листовъ въ пять съ кое-какими свѣдѣніями объ Египтѣ, Греціи, Ассиріи. Во второмъ классѣ римская исторія: нѣсколько выписокъ изъ Миллота безъ малѣйшей связи: цари, республика, децемвиры, нашествіе галловъ, война съ тарентинцами, первая вторая, третья пуническая война. Соперничество Марія и Силлы. Два тріумвирата — и конченъ балъ.

Изъ русской исторіи, въ 3-мъ классѣ, выучивалась также тетрадка, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ книжки для народныхъ училищъ, безъ малѣйшей связи. Главную роль играло нашествіе татаръ и еще что-то.

Въ 4-мъ классѣ проходилась статистика Россійской имперіи, которая выучивалась наизусть, какъ и вышеупомянутыя тетрадки.

Учитель отличался величественною наружностію и держалъ себя грандіозно, предлагалъ простѣйшіе вопросы тономъ трагическимъ, и мы впродолженіи всѣхъ курсовъ предъ нимъ благоговѣли. Вотъ какія были времена! Никому въ голову не приходило, что онъ былъ просто невѣжда (не тѣмъ будь помянутъ), не имѣвшій понятія о своемъ дѣлѣ. Но все-таки долженъ я сказать, что это благоговѣніе, которое онъ умѣлъ внушать къ себѣ, есть важное достоинство въ учителѣ и профессорѣ. Теперь уже прошло время для такихъ чувствованій, и педагогія должна придумывать другія средства, чтобъ дѣйствовать со властію.

О послѣдовавшихъ учителяхъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, я мало слышалъ хорошаго. Они являлись съ университетскими тетрадками или Лоренцомъ, и заставляли несчастныхъ мальчиковъ считать и мѣрить ниневійскіе кирпичи, или бродить по Во-

стоку, присутствовать при тайныхъ жертвоприношеніяхъ, а Сципіона, Аристида, Алкуина никогда ученики и по именамъ не слыхали. Ахъ, сколько зла причинилъ глупый педантизмъ, надмевавшій кучу посредственностей послѣдняго времени, не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ!

Да вы читайте въ классѣ древней исторіи по крайней мѣрѣ Плутарховы жизнеописанія, и спрашивайте ихъ съ учениковъ, заставляйте выучивать наизусть хронологическую краткую таблицу и познакомьте ихъ хорошенько съ картами. Изъ средней исторіи выбирайте также книги для чтенія въ классѣ и дома, о коихъ надобно потомъ строго разспрашивать, заставьте дѣлать краткіе перечни исторіи всѣхъ государствъ порознь и выучить ихъ наизусть, переспросите ихъ разъ пять въ годъ, оживляя ихъ своими дополнительными разсказами, изображеніями главныхъ дѣятелей, напримѣръ, Аттилы, по Тьери, Карла Великаго, Альфреда. Прочтите сполна исторію крестовыхъ походовъ Мишо и т. п. Новую исторію надо проходить непремѣнно подробнѣе.

Изъ русской исторіи кромѣ руководствъ читайте Карамзина, Карамзина и еще Карамзина. Хронологическій перечень происшествій долженъ быть также выученъ наизусть.

Ученіе наизусть подверглось у насъ гоненію, потому что очень легко набрать много общихъ мѣстъ противъ этого ученія. Но осуждать его безусловно не слѣдуетъ. *Злоупотребленіе* вредно, но разумное употребленіе въ мѣру для изощренія памяти, для образованія слога, для пріученія къ складному выраженію мыслей, всегда присовѣтовать можно. Будь это сказано не во гнѣвъ героямъ развитія, которые умѣютъ только завивать, то есть притуплять понятія.

Статистику я бы исключилъ изъ гимназическаго курса, равно, какъ и физику. Нѣсколько опытовъ хорошихъ всегда, впрочемъ, полезно, чтобъ возбудить любопытство и разогрѣть воображеніе.

Для географіи въ первомъ классѣ, т. е. нынѣшнемъ четвертомъ, непремѣнно надо показывать систему міра на снарядѣ, и перечесть прекрасныя лекціи Митчеля, переданныя г. Миномъ съ объясненіями. Прочесть нѣсколько разсужденій Риттера хоть изъ Фроловскаго «Магазина», сообщать свѣдѣнія изъ трудовъ географическаго общества, читать отрывки изъ любопытныхъ путешествій, оживлять классы, и какъ можно меньше тетрадокъ и параграфовъ.

Въ послѣднее время въ Германіи и Франціи вышло столько вспомогательныхъ таблицъ, картъ, рисунковъ, цѣлыхъ атласовъ, что удивляться надо, какъ наши учебныя заведенія остаются до сихъ поръ въ такомъ жалкомъ положеніи.

Мнѣ должно описать теперь классъ русской словесности. Это былъ классъ до такой степени уродливый, нелѣпый — учитель былъ до такой степени лишенъ всякихъ не только педагогическихъ способностей, но малѣйшаго смысла, что тяжело и вспомнить о немъ. И между тѣмъ, это былъ добрѣйшій, ученѣйшій человѣкъ, впослѣдствіи даже профессоръ *греческой* словесности, трудолюбивый сочинитель лексикона и пр., Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій. Послушайте-ка, что онъ намъ преподавалъ: въ первомъ классѣ логику и всеобщую грамматику, во 2-мъ классѣ психологію и нравственность, въ 3-мъ риторику, пінтику и эстетику, въ 4-мъ естественное право и политическую экономію. Жалуются у насъ теперь на множество предметовъ: вотъ оно множество-то,—а выдерживала все крѣпкая русская голова, какъ ни въ чемъ не бывало!

Какъ же преподавалъ свои предметы почтеннѣйшій Семенъ Мартыновичъ?

Онъ являлся всякій разъ въ классъ и начиналъ ходить взадъ и впередъ, пыхтя и ворча себѣ подъ носъ, потомъ диктовалъ часъ, и полчаса спрашивалъ заданный прежде урокъ.

Вообразите себѣ, что на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи публики, онъ выходилъ на сцену съ толстою тетрадью и спрашивалъ учениковъ по-очереди: что есть эстетика? Какъ раздѣляется эстетика? И визитаторы Мерзляковъ, Цвѣтаевъ, Двигубскій, спокойно слушали вопросы и отвѣты, и никто не видалъ здѣсь ничего страннаго.

Не должно думать, чтобъ мы выучивали всѣ восемь толстыхъ тетрадей наизусть. Нѣтъ, онѣ были раздѣлены на вопросы и отвѣты, слѣдовательно всякій ученикъ выучивалъ только тотъ отвѣтъ, который ему достанется, а разсчесть это было не мудрено, ибо Семенъ Мартыновичъ начиналъ всегда съ перваго ученика, и потомъ, смотря только въ свою тетрадь, восклицалъ: слѣдующій, слѣдующій! Всякій ученикъ получалъ по одному вопросу, (точно такъ онъ нанималъ и извощиковъ: «въ городъ!» — Столько-то! — Слѣдующій, столько-то, слѣдующій! и наконецъ, онъ садится къ тому, кто изъ слѣдующихъ запрашивалъ всѣхъ меньше).

Иногда Семенъ Мартыновичъ предлагалъ какіе-то отвлеченные вопросы не изъ выученной тетради, а изъ книги, по долгомъ размышленіи, въ родѣ загадки. Ученики отгадывали, разумѣется, очень рѣдко, тогда онъ проговаривалъ нѣсколько словъ, и взявъ шляпу уходилъ.

Въ третьемъ классѣ онъ давалъ еще перевести намъ нѣсколько Фонтенелевыхъ писемъ для перевода,—вотъ и всѣ упраж-

нелія! Все время въ классахъ рѣшительно было убиваемо еще хуже, чѣмъ въ классѣ историческомъ.

Но мы всѣ знали хорошо по-русски, писали правильно, любили словесность, знали наизусть Озерова, Жуковскаго, Крылова, восхищались Карамзинымъ; Озерова трагедіи, послѣ французовъ рѣдкія, продавались по 25 рус. асс. за экземпляръ. Мнѣ удалось добыть какъ-то выгодно «Димитрія Донскаго», и это было торжество для нѣсколькихъ комнатъ. Въ каждой комнатѣ были охотники до словесности. Въ воскресенье привозилъ всякій изъ дому новую книжку, и она отправлялась гулять по всему классу. У меня были собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ 12-ти частяхъ,—ну вотъ вамъ и школа, замѣнявшая наставленія Семена Мартыновича!

А вторая школа—это театръ, куда мы ходили всякій бенефисъ, въ раёкъ, человѣка по четыре, по пяти, безъ спроса, украдкою, въ подворотню, чрезъ больничную дверь, всѣми неправдами, пренебрегая величайшими опасностями, кланяясь солдатамъ-сторожамъ, кормя собакъ и проч. Видѣнный бенефисъ, разумѣется, съ четырьмя пьесами, доставлялъ предметовъ на разговоръ впродолженіе цѣлой недѣли, изощрялъ вкусъ, знакомилъ съ именами, съ событіями.

Русская словесность и послѣ имѣла рѣдко хорошихъ учителей: учители-педанты, воспитанники профессоровъ-педантовъ, являлись въ гимназіи съ тетрадями учителей, и заставляли несчастныхъ ломать головы надъ университетскими теоріями. Ко мнѣ приходилъ сынъ часто спрашивать объясненія Несторовыхъ мѣстъ, кои задавались ему для перевода, а по-русски онъ писалъ еще съ ошибками. Послѣдняя грамматика г-на N. запутаетъ, вѣроятно, учителей окончательно, вмѣстѣ съ исторіей г-на N. N., и мы осудимся на долговременную безграмотность, пока таланты не выбьются изъ-подъ ига. Недавно знакомая дама просила у меня Сумарокова и Озерова, да спросила есть-ли Эврипидъ на русскомъ языкѣ? — На что вамъ все это?—Сыну моей знакомой задано въ гимназіи написать сравненіе между Сумаровымъ, Озеровымъ, Расиномъ и Эврипидомъ! Каковъ педагогъ! Знакомый учитель мнѣ жаловался, что не могъ найти нигдѣ разбора Гамлетова, помѣщеннаго когда-то въ Телеграфѣ. — Помилуйте, на что вамъ его?—Чтобъ имѣть понятіе о критикѣ 30-хъ годовъ, отвѣчалъ онъ торжественно.—Скажите, мм. гг., что дѣлать со всѣми этими приведенными въ примѣръ учителями и ихъ наставниками? Я думаю, что ихъ надо окачивать холодною водою надъ колодцемъ впродолженіи долгаго времени.

Задавать больше упражненія, соблюдая постепенность, раз-

бирать ихъ со вниманіемъ и толкомъ, и какъ можно чаще читать лучшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, старыя и новыя, при чемъ должно обращать вниманіе и на искусство чтенія, пропадающее у насъ болѣе и болѣе вмѣстѣ съ хорошимъ почеркомъ.

А какой былъ надзоръ надъ нами? Надзора надъ нами не было собственно никакого: инспекторомъ былъ тотъ же Семенъ Мартыновичъ, который ничего не видалъ, ничего не понималъ, а бѣда, если кто-нибудь попадался ему въ злую минуту подъ руку.

По комнатамъ были надзирателями такъ-называемые старшіе ученики, лучшіе ученики 4 класса, они пользовались великимъ уваженіемъ и большою властію, — и дѣла шли порядочно, шалостей большихъ никогда не бывало, и если случались иногда какія-нибудь, то очень тайно. Завелась впослѣдствіи игра въ карты, на бумагу.

Поутру мы вставали въ 6-ть часовъ и получали по куску чернаго хлѣба на завтракъ. Я имѣлъ изъ дому по 10 к. с. на недѣлю, которыя и употреблялись на сбитень, и то иногда, потому что нужно было приберегать на театръ. (Мѣсто въ раёкъ стоило 25 коп.). Обѣдъ въ $12^1/_2$ часовъ: щи и каша, плохіе!

Старшій смотрѣлъ за вставаніемъ и за занятіями въ классахъ до звонка. Звонокъ въ 8-мь часовъ. Два класса продолжались 4 часа. Потомъ обѣдъ, отдыхъ, въ 2 часа послѣобѣденный классъ до 4-хъ.

По средамъ и субботамъ рисованіе.

Въ 5-ть часовъ ученики опять садились въ классы, получая по куску чернаго хлѣба, приготовливаться къ завтрашнему дню, до 8-ми часовъ. Отдыхъ. Ложились въ 9 часовъ.

Я не говорилъ еще ничего о директорѣ, Петрѣ Михайловичѣ Дружининѣ (который доставилъ университету огромныя пожертвованія Демидова и Зосимы). Это былъ добрѣйшій человѣкъ, котораго смѣю считать своимъ благодѣтелемъ: получивъ деньги отъ отца сто руб. асс. да на обзаведеніе 50 руб., февраля 14-го 1814 г., онъ больше не получалъ уже, кажется, ни разу впродолженіе всего курса, потому что отецъ, разоренный французами, не могъ платить. Дружининъ все ждалъ, и получилъ долгъ сполна уже тогда, какъ я былъ въ университетѣ, и наши обстоятельства поправились. *Le bon vieux temps!*

Дружининъ въ гимназіи ничего не дѣлалъ, и мы видали его иногда только на экзаменѣ, откуда онъ спѣшилъ увести къ себѣ поскорѣе Мерзлякова, Чумакова, Котельницкаго, — отвѣдывать его наливокъ.

Теперь извольте судить, какъ же это дѣла-то шли, и гимназія доставляла университету лучшихъ воспитанниковъ, которыхъ имена до сихъ поръ извѣстны. Директоръ ничего не дѣлалъ, инспекторъ почти не существовалъ, или существовалъ отрицательно, главный учитель русской словесности ничему не училъ, историческій также. Надзирателей не было. Экономъ, Бородатовъ, существо совершенно безтолковое, безъ всякаго образованія. Канцеляріи никакой, одинъ писарь у директора, Ефимъ, который и дѣлалъ все, когда не пилъ. Одинъ былъ учитель очень хорошій, другой хорошій, третій порядочный—вотъ и все. О развитіи, которое послѣ вошло въ моду, не было и помину. Дѣло шло *по заведенному порядку*, какъ шла Россія по устроенію Петрову или Екатеринину. А потомъ порядокъ ослабѣлъ, и начались реформы, часто къ худшему.

Пансіонеры платили въ годъ по 200 р. асс. за все, за ученіе, за содержаніе, за одежду (толстые желтые коровьи сюртуки, темнозеленыя брюки), за сапоги, за бѣлье, за учебныя пособія, книги, бумагу, и проч.

Гимназія помѣщалась на Кисловкѣ, въ домѣ Ланга, послѣ Русселя, Крича, и теперь, не знаю—чей. Шесть комнатъ внизу—классы (4 для гимназіи, 2 для уѣзднаго училища), вверху шесть комнатъ для учениковъ. По бокамъ, квартиры для учителей, комнаты по двѣ.

Лѣтомъ играли на большомъ дворѣ въ лапту, и ходили довольно часто на Воробьевы горы по праздникамъ. По половинѣ калача и молоко доставляли живѣйшую радость, которой съ разсказами становилось на недѣлю.

Въ гимназіяхъ у насъ теперь директорами большею частію чиновники, которые ведутъ письменную часть, стараются для посѣтителей держать внѣшнюю сторону въ порядкѣ, съ блескомъ, и сдавать экзамены на славу — вотъ и все. Пониманія своихъ обязанностей вообще мало, такъ какъ въ прочихъ вѣдомствахъ, подчинившихся привычкѣ (рутинѣ). Необходима, употреблю выраженіе Петрова времени, «встряска», или употребляя выраженіе библейское: «баня покаянія». Въ директоры попадаютъ теперь промотавшіеся дворяне, чьи-нибудь родственники. Обширная казенная квартира, хорошее жалованье, независимость и возможность ничего не дѣлать, потому что контроля никакого: осмотры ничего не значатъ [1])!

---

[1]) Это писано лѣтъ 15 назадъ, и теперь многое перемѣнилось, какъ слышу, къ лучшему.

Соберемъ теперь наши заключенія и подведемъ итоги классическихъ часовъ.

Латинскій языкъ	4½ часа.
Нѣмецкій »	4½ »
Французскій »	4½ »
Русскій »	4½ »
Математика	3 »
Географія и Исторія.	3 »
Естественная Исторія	3 »
Итого. . .	27 часовъ въ недѣлю.

По три урока въ день отъ 8 до 12½ часовъ, занимаютъ 27 часовъ. Можно прибавить еще по часу въ день на ученіе. Въ 2 ч. обѣдъ, отъ 3 до 9 и 10—свободное время для приготовленія и отдыха. Два класса прибавить, послѣобѣденные, для закона Божія — объяснять богослуженіе, а священную исторію соединить съ всеобщею. По воскресеньямъ толковать евангеліе.

Можно найти время утреннее для закона Божія, передвинувъ нѣсколько предметы и отдѣливъ часть ихъ третьему классу.

Обстоятельства въ каждой гимназіи укажутъ другіе предметы. Главное, помнить и принять за правило, что буква умерщвляетъ, а духъ животворитъ.

Нашлось ли время для всѣхъ предметовъ классическихъ и реальныхъ?

Я долженъ бы сказать здѣсь нѣсколько словъ о преподаваніи закона Божія въ гимназіяхъ: пусть всѣ преподаватели, положа руку на сердце, скажутъ, сколько нравственной и умственной пользы принесло до сихъ поръ ихъ преподаваніе. Смѣю думать, что они всѣ единогласно рѣшатъ о необходимости совершеннаго преобразованія въ ихъ урокахъ.

Надо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о законовѣдѣніи противъ возраженій, слышныхъ даже отъ профессоровъ, которые, сознаемся, очень обмелѣли, не смотря на многія блистательныя исключенія: «куда эти права для гимназій, онѣ требуютъ обширнаго изученія», и прочія общія мѣста. Возражатели имѣютъ все въ виду курсъ законовѣдѣнія въ нѣмецкомъ университетѣ съ Савиньи и Гансомъ. Да не о курсѣ идетъ рѣчь для нашихъ губернскихъ гимназій, а о паспортѣ, явочномъ прошеніи, объ исправникѣ, губернскомъ правленіи и тому подобныхъ простыхъ, насущныхъ понятіяхъ — вы объясните ихъ гимназисту, и довольно съ него. Не умѣютъ сами объяснить ничего просто, не умѣютъ извлечь нужное, да и восклицаютъ, что предметъ не

гимназическій, какъ-будто азбука не имѣетъ своей академической стороны, а астрономія гимназической!

Самое полезное преобразованіе для гимназій было бы, по моему мнѣнію, вотъ какое:

Улучшить бытъ учителей, которые теперь страдаютъ, между тѣмъ какъ директоры и инспекторы благоденствуютъ подъ смоковницами.

Какъ можно улучшить бытъ учителей?

1) Доставить имъ казенныя квартиры, и это очень легко и удобно, безъ всякихъ расходовъ со стороны правительства: стоитъ только немного потѣснить гг. директоровъ и инспекторовъ, которые въ иныхъ городахъ занимаютъ квартиры министерскія. Когда у учителя устроится теплое гнѣздо и ему не нужно будетъ во всякую слякоть таскаться въ гимназію, искать себѣ часто квартиры, заботиться о покупкѣ дровъ и т. п., то съ него спадетъ половина хлопотъ и непріятностей: онъ сбережетъ много времени и спокойнѣе можетъ заниматься своимъ дѣломъ.

2) Позволить учителямъ имѣть пахлѣбниковъ, коихъ теперь мѣшаютъ имѣть имъ, отбивая для пансіоновъ. Съ двумя-тремя пахлѣбниками учитель обезпечится въ своемъ содержаніи, а для многихъ родителей великое удовольствіе отдать дѣтей на руки порядочному человѣку, и сколько нибудь застраховать ихъ нравственность; для дѣтей — великая польза быть подъ надзоромъ, имѣть у кого просить совѣта и т. п.

Возраженія могутъ дѣлать только тѣ, кои не понимаютъ дѣла и судятъ поверхностно: учители будутъ оказывать пристрастіе къ своимъ пахлѣбникамъ! А надзоръ-то для чего? Директоры и инспекторы мотэри, чтобъ не было злоупотребленія. Впрочемъ, такое злоупотребленіе не слишкомъ легко: переводить, напримѣръ, изъ класса въ классъ при недостаточности свѣдѣній, или, еще труднѣе, выдать окончательный аттестатъ. Надо помнить, что всѣ переводы и выпуски дѣлаются съ совѣта всѣхъ учителей, притомъ предъ лицемъ, такъ сказать, всего заведенія. Мудрено повторять часто беззаконныя явленія; всегда найдутся обличители; наконецъ, доброе имя въ городѣ что нибудь да значитъ; марать себя не всякій посмѣетъ или рѣшится. А отъ злоупотребленія, въ той или другой формѣ, никогда избѣжать нельзя, и за всѣми, за всѣмъ, никто не усмотритъ. Лучше имѣть довѣренность — и наблюдать строго.

Наконецъ, вообще для гимназій полезнѣе всего:

1) Предоставить совѣтамъ гораздо болѣе власти, и ограничить произволъ директоровъ, которые во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны сообразоваться съ большинствомъ голосовъ.

2) Раскрыть настежъ двери въ гимназическихъ библіотекахъ, и поставить въ дверяхъ сторожей съ калачами; стараться о снабженіи библіотекъ хорошими, занимательными книгами, и тѣмъ уничтожить оброчную статью директоровъ, которые пользуются ею для себя, или обращаютъ библіотечныя суммы на крашеніе стѣнъ и лощеніе половъ.

3) Возбуждать, кому случится, директору, инспектору, учителямъ, общее любопытство извѣстіями о новыхъ изданныхъ книгахъ, статьяхъ, критикахъ, дѣйствующихъ лицахъ на поприщѣ словесности, науки, и искусства, исторіи. Однимъ словомъ, стараться, чтобъ гимназія была живымъ организмомъ, а не учебнымъ трупомъ.

4) Давать больше простору мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ. Пусть всякое дѣйствуетъ смотря по своимъ обстоятельствамъ, и отвѣчаетъ преимущественно предъ общимъ мнѣніемъ.

5) Необходимо недремлющее око за ходомъ ученаго и учебнаго дѣла: ободрять, оживлять, награждать—и взыскивать.

6) Полная гласность и свобода разсуждать о всѣхъ ученыхъ и учебныхъ предметахъ, о методахъ, о преподаваніи — неограниченная *).

М. Погодинъ.

Москва. 18 ноября, 1859.

---

[1]) Многое изъ вышесказаннаго теперь, слава Богу, исполнено. — *Авт.*

*) Именно все это имѣлось въ виду при составленіи новаго устава учебныхъ заведеній въ министерство А. В. Головнина. Но въ началѣ нынѣшняго года (см. т. I стр. 415), мы уже сообщили нашимъ читателямъ предположеніе министерства народнаго просвѣщенія относительно «измѣненій, которыя слѣдовало бы произвести въ уставѣ». Не знаемъ, осуществляется ли это предположеніе; но за то извѣстно, что во многомъ и существенномъ новый уставъ еще не успѣлъ найти себѣ полнаго примѣненія. Вообще, въ идеяхъ, направляющихъ народное образованіе, у насъ наступило время *interregnum*, которое нельзя не назвать слишкомъ продолжительнымъ.—Конечно, ближайшія подробности о нашей эпохѣ, по отношенію хода учебныхъ заведеній, можно будетъ узнать опять лѣтъ чрезъ 50, если кому нибудь изъ обучающихся въ наше время придетъ такая счастливая мысль, какая пришла Михаилу Петровичу, вспомнившему свою школу, какъ въ ней онъ учился почти полстолѣтія тому назадъ. М. П. находитъ причины за многое благодарить свою школьную эпоху; заслужимъ ли мы тоже самое—это вопросъ, который мы не имѣемъ права рѣшать сами. — *Ред.*